

Игорь Муханов

Стихотворения в прозе

Муханов Игорь Леонидович – поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора. Окончил Самарский государственный университет по специальности «физика» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай. Автор 12 книг стихов и прозы. Лауреат национальной премии в области литературы, учреждённой Традиционной буддийской Сангхой России (2012), литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2016), обладатель Гран-при Петровской Академии наук и искусства (2019). Печатался в «Литературной газете», журналах: «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Дальний Восток» и ряде других. Живёт на Алтае, в Уймонской долине.

На улице детства

Ступенчатое перетекание дождевой воды – с листа на листок и с ветки на ветку – рождает звук. Он лёгок, упруг и действует усыпляюще, если слушать его, стоя на одном месте. Но если идти по дорожке, радуясь дождливому дню, и собирать звук со всех деревьев, можно услышать многоголосье. Оно сродни игре оркестра, спрятанного в листве, желтеющего своими валторнами, белеющего фортепиано и краснеющего своими скрипками.

Жуки, бабочки и гусеницы, застывшие на тыльной стороне листа и пережидающие дождь вверх ногами, станут для тебя прихожанами филармонии. А капли, падающие в траву, начнут сливаться в струйки, закручиваться в спираль и звучать ещё не знакомым миру инструментом. Но до того, как это произойдёт, влага заполнит все полости и углубления. И уж точно классическую музыку начнут исполнять парки и сады, счастливые от того, что обрели голос.

Шопен, Дебюсси и Равель – душа твоя в равной мере услышит их мелодии. И случится это не в концертном зале, а под шум автомобилей, везущих пассажиров по их делам, скользящих размытой тенью за мокрой завесой.

Музыке, льющейся с деревьев, ничто не может помешать. Ни колоколь-

ный звон, плывущий с ближайшей колокольни, ни разговоры людей, гуляющих в саду под разноцветными зонтами. Напротив, помехи, вызванные городской жизнью, добавляют к музыке новые тона и сделают её ещё более привлекательной.

Но вот музыка затихает, начинает звучать под сурдинку, и тысячи золотых смычков, пробившись сквозь просветы в деревьях, наполняют воздух благоуханием. Это финал концерта, роняющий последние капли в траву. И когда лужи вокруг станут зеркально-неподвижными, ты окажешься на улице своего детства с майским жуком в спичечном коробке.

Мартин Хайдеггер

Недальновидны и упрямы те философы, которые переводят Мартина Хайдеггера только наличием своих сил. Хайдеггер – это звезда, упавшая майским вечером на ладонь любимой, это воскресная выпечка, пахнущая мёдом и ванилью. Это, если угодно, горный тоннель, дарящий пассажирам долгое ожидание!

Уходит Хайдеггер во тьму – светят ему ангелы, берёт в руки логику – бьёт ею мух, запутывается в пути – выходит на финишную прямую, читает лекцию студентам – играет за окнами капель.

Следует, как мне представляется, переводить Хайдеггера так: сперва дать философу, потом передать материал поэту, и в самом конце – философу утвердить.

Мартин Хайдеггер – это русский Андрей Платонов, гребущий словом как веслом. Высекающий из слова искру поэзии, чтобы закурить трубку. Это рыба, пойманная в Волге-реке. Отправленная волжской артелью за границу и приправленная солью гамбургского образца.

Влюблённая берёза

Можно рисовать на спинах прохожих, если ты художник. Конечно, глазами, и ни в коем случае мелом или углём. И уж если рисовать, то только хорошее. Цветы и бабочек, например, можно солнце. Я люблю разговаривать с незнакомыми прохожими своими рисунками.

Вот, рисую на спине солнце, и прохожий замечает:

– Как тепло!

Рисую ветку сирени, и прохожий улыбается. И спрашивает себя:

– А не влюбиться ли в берёзу, растущую под моим окном?

– А почему бы и нет? – соглашаюсь я и рисую сердечко.

Дальше – непонятное беспокойство, разрушающее игру... И я бегу к берёзе, отмеченной знаками любви, посмотреть, как та поживает.

Дома, в основном «хрущёвки», проплывают мимо как корабли. Повсюду сугробы, голые ветки, ожидание запоздалой весны. А та берёза распустила свои листочки и ждёт чирики воробьёв, чтобы сыграть свадьбу с пролетающим мимо облаком!

Внутренний голос просит меня отвернуться. И я отворачиваюсь, как в бане, где плавает в облаках пара розовощёкая женщина. А берёза уже пишет на моей спине:

– Здравствуй, человек! Приходи завтра на мою свадьбу. И не забудь захватить с собой весну и своё творчество. Пускай весна приноравливается к ускорению прогресса природы, к магии любящих деревьев!

Стихи-младенцы

Как чувствуешь порою взгляд человека, идущего следом за тобой, так чувствуешь и взгляд стихов, только что написанных тобою. Они как младенцы, пришедшие в этот мир, внимательно изучают своего родителя...

К какой категории существ он относится?

Сколько у него рук и ног?

Чем в этом мире занимается?

И так далее.

Шум дождя

В провинциальном городке, где я родился, было немало цинковых крыш. И когда шёл дождь, по-весеннему шумный и торопливый, крыши городка оживали. Они покрывались кружками и кружочками с торчавшей по центру иглой, блестели по всему скату и кутались в серебряный пар. Каждая крыша во время дождя издавала своё, неповторимое звучанье. Одна шипела по-кошачьи, другая гудела пустым чердачным нутром, и была в тибетский барабанчик третья, смягчая звуки блестящими повсюду подтёками.

В водосток, имевшийся почти у каждой крыши, вода попадала струйками, закрученными в спираль. Текла по его слабому наклону и с шумом проваливалась в трубу, расплёскиваясь у самой земли и пуская пену.

Каждый участок крыши также издавал свой, особый звук, похожий на звук симфонического оркестра. Это была музыка лета, мирные переговоры неба и земли, кончавшиеся порой вспышками лиловых молний. Музыка лета звала в сады, полные антоновских яблок, и говорила о проблемах роста пшеницы на колхозных полях и судьбе будущего урожая. Много воды утекло с той поры, много радуг освещало провинциальный городок своим таинственным светом. Изменился и сам городок, занесённый микросхемами Билла Гейтса по самые крыши. Изменился и я, пройдя через разрушенную до основания страну, рыночные войны и социальные сети, похожие на барахолку, где искренность и пошлость, искусная живопись и мазня соседствовали друг с другом. Но и в наступившие времена, когда идёт дождь, барабаня теперь уже по импортной черепице, душа моя волнуется. Она летит туда, где когда-то, ища своё пристанище, вошла в тело новорождённого малыша. И слушает тёплый майский дождь как шестую симфонию Бетховена.

Женская рифма

Женская рифма всегда косится на мужскую. Она предпочитает сады, утренние туманы и соловьёв тому старинному этикету, которым, по её мнению, обременена рифма мужская.

Снисходительность в оценке происходящих в мире событий, подчёркнутая взмахом ресниц, ей к лицу. Женская рифма по своей природе – демократка.

«Ах, я забыла калькулятор дома, – жалуется она, – и посчитать число слогов, содержащихся в строке, мне не под силу!»

А вот высказывания женской рифмы, сделанные на Международном фуртурологическом форуме:

«Поэзия существует сама по себе, как блики на листьях. Я – та морская раковина, которая звучит венозной кровью её слушателей».

Муштру и суворовщину наших будней женская рифма приносит в жертву весёлым праздникам. Любит петь «Марсельезу» на просторах силлабо-тонических баррикад. «Ямб и хорей – штучки, в Россию завезённые, – напоминает она. – Мир изменится к лучшему, если женская рифма будет уравнена в правах с мужской...»

Таково её мнение на сегодняшний день. Женская рифма в России чувствует себя превосходно.

Тамерлан и поэзия

Предводитель Синей Орды Тамерлан имел глаза, смотревшие из-под бровей, нависших косыми перьями, подозрительно. Каждое утро, как только солнце озаряло степь, он осматривал ряды своих воинов, ища среди них любителей поэзии.

– Ты пищ-щешь? – свистел в щербинку зубов Тамерлан, указывая плёткой на какого-нибудь юношу.

– Нет, ваша солнечная магометанская милость, – отвечал юноша, бледнея. – Пробовал, но всё выходило не так, как у Хафиза. И я бросил...

Тамерлан шаркал ногою, хромавшей при ходьбе, и говорил мягко, потечески:

– Будещ-щь писать, велю отрубить тебе голову!

Беда была с этими поэтами в многолюдном стане Тамерлана. Они рождались внутри себя, и их невозможно было разглядеть как траву или ящерицу. Поэты уходили в степь, доставали бумагу и запечатлевали на ней арабской вязью свои чувства. Они встречали белевшие в степи кости людей и животных и отводили взгляд в сторону. Кадык у поэтов мелькал чаще, чем у других воинов Тамерлана, поскольку они чаще других смотрели в небо!

Тамерлану нужны были воины, способные убить даже свою мать, если им прикажут. Так завещал человеку Закон степей. Только с такими воинами, способными перегрызть и железные удила, можно было победить Тохтамыша, предводителя Золотой Орды, и сделаться властелином всей Азии! Но поэзия ослабляла ряды его воинов, осуждая насилие и смерть. Поэзия рождала улыбку на лице, похожую на голубку. Она звала в сады, где цвели вишня и мушмула. Поэзия, если представить её Амударьёй, текла совсем в другом направлении!

Тамерлан обходил ряды своих воинов, ища источник поэзии и надеясь его пресечь, но всякий раз убеждался в своём бессилии. И он, наделённый Аллахом поистине вселенской властью, боялся поэзии.

Отходя ко сну, Тамерлан зажигал светильники возле своей головы, горевшие до самого рассвета. Чтобы поэзия, слетая с губ увенчанного славою Хафиза, его не посетила.

Пруд Басё

(мини-пьеса)

Бухгалтер – в шёлковой красной рубаше, опоясанной ремешком, Фея – в цветке тюльпана, который держит в руке Бухгалтер

Б: – Скажи мне, наставница комаров, мать спелой травы и сестра цветущей черёмухи, о поэтах. Што они делают на этой земле?

Ф: – Ищут пруд Басё.

Б: – Самый обыкновенный, што ли, пруд? И Басё – што за птица такая?

Ф: – Обыкновенных прудов, касатик мой, не бывает. Все они с облаками и звёздами. И рыбы в них разные, и камыши шепчут на ветру разные истории. А Басё – поэт, воспевавший романтику таких поисков.

Б: – Верно, небылицы ты мне, матушка, говоришь... И што, нашли?

Ф: – Одни – нашли, другие вышли на берег этого пруда, но заблудились в зарослях краснотала. А третьи и вовсе ушли в сторону устойчивого заработка, цифровых забав и добровольного рабства у вещей и предметов.

Б: – Вон ты какая, бухгалтерия от искусства! А можно узнать имена поэтов, нашедших пруд Басё?

Ф: – Они написаны на лапках лягушек, живущих в этом пруду. Купайся в своё удовольствие в его водах, знакомься со щукой и карасём. И не забудь захватить с собой спички, горящие в воде, и сачок, сплетённый из строчек стихотворения.

Истинное лицо человека

Когда я вернулся с войны, состоявшейся между стрекозами и лягушками, мне было восемнадцать лет. Я помнил школьную парту, сплошь исписанную чернилами, и улыбался безглазым камням и водомеркам, пересекавшим лужу в солнечный день.

Мечтая увидеть лицо человека – да, да: его истинное лицо! – я взял и сорвал с него однажды маску. Но под маской оказалась другая маска, и под ней – тоже маска. Сорвав, наконец, седьмую и последнюю маску с человека, я замер от удивления. Мир, полный таинственных превращений, мерцал своими звёздами надо мной!

И тут я услышал позади себя:

– Добился ли ты, чего хотел? Сумел ли увидеть истинное лицо человека? Я обернулся.

Со щучьим взглядом существо, прячась за скалу, смотрело на меня тоскливо и безнадежно. А небо пылило Млечным Путём, пульсировало Полярной звездой и ловило ночных насекомых сачком Большой Медведицы... Добился ли я своего?

Ко мне обращался сам Дьявол, как мне объяснили потом. Сеятель со-

мнений, король заблудившихся душ и наставник самоубийц. Но тогда... я ничего не знал об этом! Я был ослеплён своей молодостью и просветлён ею...

Помню, я улыбнулся незнакомцу. И захрустев картонными масками, валившимися повсюду, сообщил:

– Зато я узнал, что человек – это сама Вселенная!

Поэт и стрекоза

Как пуля, попавшая в стеклянный куб, застревает с тревожным хрустом в его середине, так застряла в воздухе стрекоза, увидев Поэта на лужайке. Тот лежал в траве, пахнувшей душисто, и сверкал свежесбрившей щекой. – Отчего он так ярко сверкает? – спрашивала себя стрекоза и шелестела моторчиком своих крыльев ещё проворнее.

А Поэт в это время писал стихи:

Лето. Небо. Стрекоза.

Эти синие глаза...

И стрекозе, привыкшей общаться с бабочками и жуками, было невдомёк, что её полёты, полные самых неожиданных виражей, рождают в людях вдохновение.

Мужское и женское измерения

Мужская любовь – это выход в женское измерение, женская любовь – наоборот. Мы наполняем друг другом пусто'ты своего существования, и пусть это будет каждый день, каждый час, каждую минуту.

Когда я впервые стал тобой, вот было удивительно! Те же звёзды светили над миром, те же поезда дарили пассажирам свой чай. Но в каждом стакане плавала золотая рыбка, и каждая свеча зажигалась от ближайшей свечи.

И ты была бликом на стекле, записной книжкой кондуктора, встречным гудком. Я проходил сквозь тебя, а ты – сквозь меня, и тихие радостные минуты падали к нашим ногам, как снежинки.

Я так и не знаю до сих пор, кем в тебе отражаюсь. Возможно... Но стоит ли об этом гадать? Лупа не знает предмет, который она увеличивает, исправно совершая свой труд.

Дым, покидая трубу, остаётся дымом, снегирь, улетевший из леса – снегирём. Я же, встретив тебя, изменился. И расставанье с тобой напечалит мне трещину в дереве. Да, будет выделяться смола, которой смазывают смычок у скрипки, но игра... Останется ли с нами вдохновение?

Человек, сумевший полюбить птиц, летящих за облаками, становится ясновидящим. И видит в завязи цветка – цветок, а в цветке – плоды, которым предстоит ещё родиться. Их соберут загорелые женщины ранним утром и отнесут на базар. И там среди суеты, блеска локтей и прилавков обменяют на улыбки покупателей.

Люди, обретая дар любви, наполняются чужой жизнью и радостью за её существование. Они посылают свои мысли в мир, как радиосигналы, и получают ответ, которого не ожидали.

Так что же такое любовь, скажи мне, пожалуйста? Уверен, что смутишься и замолчишь, соприкоснувшись с Неизвестным. Не смогу ответить и я, поскольку ответа не существует. Как не существует и нас, заключённых в броню своего эгоизма, когда мы вместе. В том многомерном и счастливом мире, который нам дарит любовь.

Пауза

Когда Моцарта спросили о том, что он считает главным в своей музыке, Моцарт ответил не задумываясь: «Пауза». И словно указал своим тонким пальцем на другой мир. Открылись шестерёнки с острыми зубчиками, оси, смазанные машинным маслом, и первозданный образ всего того, что мы зовём жизнью, заблестел, как звёзды Большой Медведицы. «Пауза!» – повторил Моцарт ещё раз и убежал в соседнюю залу, где уселся за клавесин сочинять музыку.

Пальцы тонули в мягких клавишах, бежали и прыгали как мальчишки, катающие мячик во дворе. Всюду свистели птицы разных расцветок, и виноградники юга прятали среди созревающих ягод свой рождественский свет...

Моцарт улыбался!

– Ага, сейчас подадут овации, живые взгляды, полные слёз, и крики «браво!», летящие, как птицы, к потолку консерватории!

И тут произошла заминка. Очередная нота застыла, как на морозе слеза. В залу вошла Грусть, заглянула Моцарту в глаза и прошла, шурша накрахмаленными юбками, к балкону...

Пауза!

Моцарт опустил голову и снова заглянул в иной мир. Там не было ниче-

го, что бы связывало его с нами. Там была тишина, но совсем другая. Не та, к которой мы привыкли, гуляя по саду среди роз. Мир иной скрывал тишину, богатую возможностями. В которой протекала жизнь, свистели бури и бились волны о скалы. Так за окнами дома разговаривает прислуга, жестикулируя руками и поправляя парик на голове, но звуков не слышно...

Пауза!

Моцарт взгляделся в неё и нашёл то, что недоставало его музыке. От чего произошла остановка, временный упадок сил. Поднял мизинец правой руки, покрутил им в воздухе, забылся на одно мгновение и ударил по клавишам клавесина.

Звуки рассыпались по зале, наполняя её углы и проходя сквозь рыхлую штукатурку. Связали залу с облаками, плившими по небу в предвечерний час, с полями и лесными окрестностями знакомого с детства Зальцбурга.

Пауза закончилась, но из неё продолжал изливаться беззвучный звук. Так нежгучий огонь изливается в Пасхальную ночь, радуя паству, в главном храме Иерусалима!

Время исчезло совсем: музыка для него, как мука. Из паузы вылетел голубок, захлопал белыми крыльями и вскоре растворился в тишине, пахнущей лаком паркета...

Пьеса была закончена!

Звуки остывали в воздухе словно формы, извлечённые из раскалённой печи, отбрасывая тени на нотные листы в виде карандашных кружочков. Часы, блестящие латунным маятником на стене, стали снова отбивать время. Крышка клавесина захлопнулась, по атласу камзола пробежали оранжевые молнии. Моцарт поднялся со стула, поправил на шее бант. И произнёс в тишину живое, знакомое с детства слово:

– Пауза!